

5 декабря. Билибино

Привет, Веро!

Надеясь на Божию помощь, я предусматриваю и «страховочные» варианты. На то, чтобы искать младенца в Магадане или на Камчатке, не хватит ни сил, ни времени, ни денег. Поэтому я стараюсь разузнать, могут ли произойти роды в тундре. В этом случае я обойдусь без помощи чукотских мамаш и «рожу» ребенка в своем воображении...

Сегодня долго разговаривал с врачом — Валерием Михайловичем. Мы познакомились в библиотеке, но затем случайно встретились у дома, и он пригласил меня в гости. Живет Валерий Михайлович один в трехкомнатной квартире, которая больше походит на мастерскую художника. Стены увешаны картинами, в основном летними пейзажами Чукотки. (Скорее всего, именно его работы я видел в кабинете главного врача.) Развешены чучела птиц и животных, по углам расставлены извилистые коряги, корни и пеньки, в которых можно опознать лешего, Бабу-ягу и шамана. Много поделок из костей китового позвоночника, симметричность которых позволяет разгуляться воображению. Повсюду домашние растения и камни, которые за многие годы насобирал Валерий Михайлович. Поскольку большую часть жизни он проработал врачом, я надеялся разузнать о родах в тундре. В свои замыслы я Валерия Михайловича не посвящал, но он и без этого начал рассказывать о здравоохранении.

На Чукотке, которая ещё недавно входила в состав Магаданской области, ситуация с туберкулезом была чудовищной. Страдало в основном коренное население, образ жизни которого способствовал его распространению. В яранге живут нос к носу:

заболел один — сразу заболевает вся семья. Туберкулез распространяется быстро, а лечить его трудно. В начале шестидесятых, когда Валерий Михайлович только приехал на Чукотку, заболеваемость была в десятки, в сотни раз выше, чем в центральных районах. Именно тогда появилась противотуберкулезная служба. Были созданы диспансеры и организованы медицинские отряды, которые ездили в тундру к оленеводам, проверяли их и, если обнаруживали больных, вывозили их в центральные усадьбы, где были развернуты медицинские пункты. (Усадьба — это нечто вроде метрополии, от которой работают кочующие по тундре оленеводы.) Затем больных доставляли в район, обследовали, лечили, а при необходимости отправляли в Магадан или даже в Москву. Врачи, в числе которых был и Валерий Михайлович, ездили по селам и бригадам, выявляли больных, лечили. Не было уголка, где бы не провели рентгеносмотр. За сорок лет Валерий Михайлович изъездил весь район. Было вложено столько сил и средств, что туберкулез заглушили, задавили, и решающую роль сыграли антитуберкулезные прививки детям, среди которых заболеваемость была поголовной, и они часто умирали.

За последние три десятилетия произошла смена поколений. Старики отошли в иной мир. Большинство больных вылечили, и в конце концов результаты на Чукотке стали даже лучше, чем в остальной России. В 1997 году в районе не было выявлено ни одного больного: ни среди коренного населения, ни среди приезжих. В 1998 году туберкулезом заболел всего один человек. Но главное: за последние семь лет этой болезнью не отмечен ни один ребенок! Об этом Валерий Михайлович говорил с гордостью, добавив, что по всему евро-азиатскому континенту заболеваемость туберкулезом была меньшей только в княжестве Монако...

Все-таки удивительная у нас страна! Сколько хлопот, средств, какие задействованы ресурсы, сколько кадров (и каких!) было привлечено к лечению оленеводов и охотников в далекой Магаданской области, в недоступной чукотской тундре! Вместе с тем на то, чтобы уничтожать и подавлять, запрещать и высылать

в тот же Магаданский край, — работали тысячи и десятки тысяч граждан в погонах, классных специалистов в штатском и тратились огромные деньги...

Я все ждал, когда Валерий Михайлович расскажет о рождаемости, а он стал вспоминать коллег. Упомянул Бориса Потаповича Бутенко из Чаунского района, отдавшего всю жизнь борьбе с туберкулезом; вспомнил Юрия Владимировича Булгакова, начальника медотряда в Билибинском районе, затем ставшего главным врачом Чукотского района, потом главным окружным врачом в Анадыре; рассказал об Александре Григорьевиче Вольфсоне, работавшем в свое время в Омолоне. Вольфсон ездил по самым отдаленным уголкам тундры, в любую погоду, не щадил сил, выявляя туберкулез. Затем он возглавлял лабораторию биологических проблем в Анадыре. Там же и умер... Много среди врачей настоящих подвижников, для которых не было ничего важнее здоровья людей. А сколько было медработников среднего звена! Они приезжали на Чукотку, отработывали несколько лет и уезжали. Валерий Михайлович уверен, что работали они не ради денег, званий или наград. И не потому честно трудились, что дали клятву Гиппократу, и не из-за того, что были религиозны или набожны. Работали, потому что были честными и совестливыми. Кто сегодня оценит их труд, измерит вклад, наконец, кто хотя бы вспомнит?

Валерий Михайлович поделился, что за всю жизнь не встречал работника более ответственного, добросовестного и бескорыстного, чем Мария Ивановна Кузишина. Никто лучше нее не знал, как лечить детей, и на всей Чукотке противотуберкулезную работу грамотнее, чем она, никто не вел. Даже профессора ей в этом уступят. Мария Ивановна тридцать четыре года проработала на золотопромышленном участке Алискерово и за эти годы сделала несколько тысяч антитуберкулезных прививок. Сколько детей могли заболеть, но были спасены! Сейчас они уже взрослые, крепкие и сильные, разбрелись по стране и миру. Вспоминают ли о Марии Ивановне? А какая польза стране! Сколько золота добыла она тем, что спасала золотодобытчиков от верной гибели! А ведь она — всего-

навсего скромная медсестра, всю жизнь проработавшая в глухом и далеком, ныне закрытом и безжизненном поселке. И... до сих пор работает. Теперь в Билибино. Зарплата её — неизвестно, чего больше: смешная или позорная? Треть прожиточного минимума! Так ведь и этот мизер не выплачивают вовремя. Мария Ивановна ходит в магазин лишь за хлебом, потому что на остальные продукты этот великий врач, спаситель и охранитель Севера может только смотреть через стекло витрины...

...Мы справедливо чтим мертвых, тех, кто ценою собственной жизни спас, уберег, защитил. Возлагая цветы на могилы, стоим в безмолвии, склонив голову, или произносим слова благодарности, обращенные к праху. Что же мы не чтим тех, кто, отдав нам жизнь, все еще остается среди нас? Неужели такой подвиг менее значителен и не достоин нашего преклонения и благодарности? Почему, прежде чем произнести «Совершилось!», нужно взойти на Голгофу?..

Валерий Михайлович говорит без злобы и без тени претензий. Лишь горький укор слышится в его тихом голосе. Он вспоминает, что на каждом участке трудились и продолжают трудиться такие же скромные женщины. Закрыли поселок Встречный, а там много лет проработала великолепный работник Мадина Гаязова. В Анюйске — Марина Мыщик, в Мандриково — Любовь Алексеевна Колпикова. Сейчас они уходят. Кто на пенсию, кто — из жизни. Уходят молча, с поникшей головой. Проработав всю жизнь и отдав её без остатка, сами остались ни с чем.

Валерий Михайлович называет мне, заезжему, незнакомому человеку, дорогие для себя имена. Но что я могу сделать, чем помочь? Неужели и во Франции так? Есть ли еще народ, который оставил своих стариков один на один с бедой и упреком: «Это вы нас такими воспитали»?

Как только Валерий Михайлович заговорил о детях, я спросил: может ли в тундре родиться ребенок и чтобы никто об этом не узнал?

Он ответил, что непосредственного участия в родах не принимал, но, бывало, спасал женщин от послеродового кровотечения и последствий криминальных абортов, когда аборт делали не врачи, а какие-то доброхоты, прямо в тундре. Были случаи, закончившиеся трагически. Сейчас женщин в тундре не много, а те, что там живут, состоят на учете. Рожать их вывозят в район. В особых случаях они могут родить в сельской больнице, но это бывает редко. По словам Валерия Михайловича, коренные женщины уже приучены рожать в родильных домах, и он не припомнит случая, чтобы чукчанка родила в тундре.

Я спрашивал: можно ли вообще здесь жить? Многие жалуются на климат, на нехватку кислорода, хотя мне здесь дышится легко. Говорят также о воздействии электромагнитных бурь, но у меня и намек нет на головную боль. Зимой и весной москвичи беспрестанно болеют гриппом, а я пребываю в Билибино уже вторую неделю и ни разу не чихнул. Нет ли надуманного в этих жалобах? Люди в стремлении уехать ищут оправдательные мотивы, и «климатический» не на последнем месте. То, что здесь холодно, — факт. Что цены высокие — тоже. Но опаснее всего «неподходящий климат». Тут уже ничего не поделаешь: надо уезжать.

Но Валерий Михайлович, прожив на Чукотке жизнь, считает рассуждения о плохом климате бредом. Он убежден, что воздух здесь во много раз чище, чем в Москве, Санкт-Петербурге или даже в Ялте. Если на какую-то сотую долю процента кислорода меньше, то организм приспособливается, и мы этого не замечаем. Но здесь кислорода как раз-таки в десятки раз больше, чем в центральных районах России, а Билибино — вообще оазис воздуха. В окрестностях нет ни одной трубы, ни одной газовой плиты, почти нет автотранспорта.

Я пожаловался на то, что постоянно хочу спать. Не объясняется ли это нехваткой кислорода?

Но Валерий Михайлович ответил, что спать хочется от его избытка. От нехватки не заснешь. Атомная станция избавляет билибинцев от угольной копоти, свойственной северным поселкам. Нередко сюда приезжают с астмой и бронхитом, но,

немного пожив, излечиваются и затем дышат легко. Здесь также нет аллергических растений, от которых многие мучаются. Валерий Михайлович привел в пример якутов, которые наряду с абхазами считаются долгожителями. Но если в Абхазии воздух, солнце, горы, чистая вода, то что же в Якутии? Полюс холода, а якуты — долгожители! Это значит, что холод не является помехой для жизни. Напротив, организму холод полезен. Мы закаляемся, всегда пребываем в тонусе. В центральных районах порой не определишь: зима ли на дворе? В троллейбусах, трамваях и метро — жарко. Вышел на воздух — сырость. Готово! Человек заболел. А здесь сухой мороз, который выполняет роль стерилизатора. Палочки и микробы погибают. То же происходит и летом, когда круглые сутки светит солнце, дезинфицируя почву и воздух. Если инфекцию не завозить — на Чукотке вообще болезней не будет.

Но тогда почему коренные жители Чукотки живут недолго в сравнении с якутами?

Валерий Михайлович считает, что все дело в питании. У якутов в рационе полный набор аминокислот, белков и всего прочего. Они переняли кухню у русских, казахов, бурятов. Из мяса у них идет в пищу олень, сохатый, свинина, говядина, конечно, конина, которую якуты ели всегда. Если дичь, то глухари, куропатки, утки, куры, которых они держат в домашних хозяйствах. А сколько видов рыбы у них водится! Хатыс (сибирский осетр), чир, омуль, муксун, нельма, хариус, таймень, пелядь... А что только они не делают из молока! Это когда-то якуты пили лишь кумыс. Теперь у них и творог, и масло, и сметана, и разные сыры. К тому же они научились готовить варенье из ягод, которых великое множество. Якуты приспособились даже выращивать капусту, картошку и морковь. Так что у них полный набор витаминов. А чукчи или эвены едят лишь оленину и хлеб. Изредка рыбу. Больше ничего в рационе нет. Оленина — хорошее мясо, легко усвояемое, диетическое, вкусное, но бедное. Когда употребляешь только его, организм испытывает витаминное голодание. Ведь сам олень питается лишь ягелем.

Раньше на Чукотку чего только не завозили! Потом ограничились завозом алкоголя и табака. А ведь труд оленевода — изнурительный, каторжный. Это круглогодичное, круглосуточное дежурство возле стада. Оленеводы иной раз и не спят. За сутки чаю попьют — и то хорошо. Они и мерзнут, и промокают, а однообразное питание не восстанавливает организм. Оттого и стареют рано. Русские в деревнях тоже сейчас живут недолго. Особенно мужчины.

Валерий Михайлович к Чукотке прирос и в другом месте свою жизнь не представляет. Его картины, поделки, камни — часть тундры, которую он любит и с которой не расстанется даже в квартире. Кроме прочего, он ведет кружок детского рисунка и придает этой деятельности значение не меньшее, чем основной профессии. Его жизнь трудна, но небесплодна. Он не страдает психологией временщика, этим опасным заболеванием. Опасным, потому что временщик грезит о будущей жизни, относясь к текущей как к прологу. Но время бежит, и вскоре оказывается, что этот растянувшийся пролог и был настоящей жизнью, а ожидаемая «настоящая» — всего лишь эпилог, часто бесплодный, никчемный и незавидный.

Валерий Михайлович и многие его коллеги здесь действительно жили. Они не заглядывались на календари, не сидели на чемоданах, а самозабвенно трудились. И продолжают трудиться. Оттого нет в них горького чувства от бесплодного существования. Их жизнь продолжается, и это лучшее доказательство того, что на Чукотке она возможна. Не борьба за выживание, а сама жизнь: полноценная, насыщенная, интересная, переполненная чувствами и порывами, какую и в Париже не всякий устроит.

На этом заканчиваю. На днях должен встретиться с пожилой чукчанкой. Вот кто мне обо всем расскажет!

*Из книги П.Зайдфудима и Ю.Мизуна
«Российский Север. Проблемы развития». М., 1998.*

«Насколько успешно протекает процесс адаптации к неадекватным условиям среды, зависит не только от степени неадекватности условий среды и от исходного состояния здоровья адаптанта, но и от конституционно-генетического типа данного человека. Известно, что существуют различные темпераменты людей, различные типы высшей нервной деятельности. ...Эти типы, видимо, выработались в процессе эволюции в связи с тем, что условия внешней среды изменялись по-разному. Если условия внешней среды изменяются очень сильно и быстро, то биосистема (человек) для того, чтобы выжить в этих условиях, должна обладать высоким запасом прочности. В таких условиях формировался один конституционно-генетический тип, который В.П.Казначеев назвал "спринтерским". Если же условия внешней среды являются неадекватными, но они не меняются по существу длительное время, то биосистема (человек) должны иметь возможность длительное время (годы) в условиях напряжения поддерживать необходимые механизмы приспособления к этим условиям с тем, чтобы функционировать, по-возможности, оптимально. Таких людей В.П.Казначеев назвал термином "стайер". Несомненно, имеются и другие типы, которые можно чисто условно назвать "смешанными". Для того чтобы успешно приспособиться, адаптироваться к условиям Крайнего Севера, которые будут в течение многих лет оставаться неадекватными, экстремальными, биосистема (человек) должна обладать свойствами "стайера". В.И.Хуснуллин склонен считать, что этими приспособляющимися к неадекватным условиям людьми являются те, у кого хорошо развито левое полушарие головного мозга (левши). Он настойчиво рекомендует развивать правое полушарие

мозга, что позволило бы успешно адаптироваться к изменчивости погодных условий и условий внешней среды».

УТРАЧЕННЫЕ ИЛЛЮЗИИ

«Непосредственно перед окончанием не столь удачного, если не катастрофического, 1998 года "Коммерсантъ" опросил "свой ряд" на предмет встречи Нового года. Вот один из "рядовых" ответов:

"Новый год я обычно встречаю с семьей и друзьями за пределами России. Вот и в этом году большая компания моих друзей с детьми отправится туда, где солнце, море и тепло. Честно говоря, я еще не выбрала, наверное, это будут Канары, Эмираты или остров Святого Маврикия. Как всегда, это буду решать только в последний день. Я же — существо теплолюбивое — даже и не припомню, когда в последний раз встречала Новый год на родине".

Эти слова принадлежат не просто "новой русской" из анекдота, а известнейшему российскому политику, в недавнем прошлом депутату Госдумы, затем - полномочному министру. Короче, Ирине Хакамаде. Еще короче - "элите"...

«Золотая Чукотка», N26, 30 июля, 1999 г.

ЗАКЛИНАНИЕ ЛЕЧЕБНОЙ МАГИИ

(Из книги В.Г.Тана-Богораза "Чукчи".)

"Если я хочу вылечить человека от болезни, я превращаю его в землю, а сам превращаюсь в огромного медведя. Я сильный, я разрываю лапами

землю и разбрасываю ее кругом. Потом кладу
болезнь в дыру и снова крепко закрываю ее землей.
Так я делаю человека здоровым."

*Сообщил шаман «Скребущая женщина»
в Мариинском посту. 1900 год.*

ВОПКАРЫННЫЧЕВАРОЙНЫН (Большерогий олень)

Стихи М.Сыроватской. Музыка народная.
(Подвижно. Ритмично.)

*Вопкарыннычеваройнын
Нойвынтакэн эннойпы.
Лыгэн, лыгэн нылекин
Вопкарыннычеваро.
Хэй, хэй, хэй!
Хэй, хэй, хэй!*

*Гымнин вопкачеваройнын
Гымнан колё ейвэчу,
Колё, колё ейвэчу
Вопкарыннычеваро.
Хэй, хэй, хэй!
Хэй, хэй, хэй!*

*Мури вопкачеваройнын
Нымнымэты мытрэле.
Бинкы мури мытрапавы,
Колё мытракоргычат.
Хэй, хэй, хэй!
Хэй, хэй, хэй!*